

20

- 20 лет с читателем,
- более 20 миллионов экземпляров

МАРИНА СЕРОВА

POLE
DANCE

ВСЯ ПРЕЛЕСТЬ СТРИПТИЗА

Марина Сергеевна Серова
Вся прелесть стриптиза
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134838

Вся прелесть стриптиза: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45902-5

Аннотация

Во время роскошного ужина в ресторане «Пекин» отравлен бизнесмен Георгий Кавтарадзе, большой любитель восточной кухни и компромата на самых-самых... Оставленные им на магнитофонных пленках «мемуары» случайно попадают в руки работника издательства Андрея Белецкого. За сенсационными пленками начинается настоящая охота. Каждый из «охотников» – преуспевающая бизнес-леди, владелец ночного клуба, стриптизерша – подменяет роковые пленки. Но у кого же подлинник? Ответ на этот вопрос ищет частный детектив Татьяна Иванова.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Серова

Вся прелесть стриптиза

Пролог

ГРЕХ ЧРЕВОУГОДИЯ

Пистолет, пристроенный за широкий пояс брюк, начинал давить на живот.

Лысоватый человек, аппетитно уминавший ужин в отдельном кабинете ресторана «Пекин», слегка поморщился. Он подосадовал на собственное обжорство и в который раз пообещал себе завтра же позвонить личному врачу и посоветоваться насчет курса диеты.

Да-да, именно завтра.

Не отказываться же в конце концов от мальтийских крабов, отваренных в элитном белом вине ценой пятьсот десять долларов за бутылку. Швыряться такими деньгами – это чересчур.

Так что, хочешь – не хочешь, придется закончить этот ужин. И, притворно вздохнув, чревоугодник вернулся к нежным крабам. Неторопливо покончив с лежащими перед ним на блюде кузнецовского фарфора представителями отряда беспозвоночных, он вытер набежавший пот и принялся за

паштет из собачьей печени, приправленный мелко размолотыми скорлупками арахиса.

Три года назад рецептом этого блюда поделился с ним Ван Донг Ен, корейский коллега по наркобизнесу, царство ему небесное.

Кореец тогда, помнится, слегка перемудрил с распределением партий товара и пытался обойти своего российского компаньона. За что и понес жестокое, но справедливое наказание.

Но нельзя не отдать должное его гастрономическим уркам. Паштет «Восточное чудо» теперь являлся обязательным вечерним блюдом лысоватого гурмана. Ради такого дела пришлось раскошелиться на специальный питомник чау-чау.

Паштет сегодня был особенно вкусен. Загадочный сладкий привкус делал блюдо просто восхитительным. Интересно, что они стали туда добавлять?

Мужчина вспомнил лицо корреспондента якобы независимой телекомпании, которому он сегодня утром давал интервью, и довольная улыбка расплылась на его лице.

– А правда ли, Георгий Арчилович, что затраты на ваш знаменитый собачий питомник превышают сумму, заложенную в госбюджете на культурные нужды страны?

– Правда, – скромно потупив взор, подтвердил Георгий Арчилович. – У меня тоже есть нужды...

– А с чем связан ваш столь стремительный взлет к верши-

нам российского бизнеса? – допытывался журналист, краем глаза посматривая на замеревших у входа в офис охранников, каждый из которых, в свою очередь, не спускал взгляд с журналиста. – Ведь еще год назад о вас говорили как о потенциальном банкроте.

Ну как ему объяснишь, дурачку? Бизнес – ведь это американские горки. Только плюс ко всем удовольствиям еще тебя соседи из кабины выкинуть норовят. А иногда и сами вылетают вверх тормашками.

Но тогда, год назад, действительно казалось, что все кончено. И на всякий случай было принято решение о подстраховке. И какой подстраховке, черт возьми! До сих пор дрожь пробирает.

Кстати, надо как-то разобраться с этими пленочками. И побыстрее.

Но это – завтра. После разговора с врачом. А сейчас... Георгий Арчилович сладострастно облизнул толстые губы и плотоядно воззрился на десерт из шинкованных тамарилло в горьком шоколаде.

Его рука потянулась к хрустальной розетке, немного помедлила и, дрогнув, упала прямо в густые коричневые волны десерта.

Захрипев, бизнесмен откинулся на кресле. Он смахнул рукавом посуду, и опустевшие салатницы с веселым звоном шмякнулись о мраморный пол, разлетевшись на сотни осколков.

Вбежавшая на шум прислуга ресторана «Пекин» обнаружила труп Григория Арчиловича, в неестественной позе осевший на кресле.

Пальцы правой руки покойного, испачканные шоколадом и мелкими черными зернышками тамарилло, были поднесены ко рту. Но покойный так и не успел воздать должное сладкому блюду с экзотическими фруктами.

На его одутловатом лице застыло обиженное выражение ребенка, у которого злые дяди отобрали обещанную вкусную конфету.

Глава первая СЛИШКОМ СИМПАТИЧНЫЙ КЛИЕНТ

Из колоды Таро выпала карта и, покружив немного, плавно осела на пол.

Прямо в лужицу пролитого чая.

Неплохое начало для гадания.

Я потеряла лоб и попыталась сосредоточиться. Такого со мной еще не бывало.

Итак, что это может значить?

Первое. Колода замахрилась и для гадания более непригодна. По-хорошему следовало бы озаботиться приобретением новых карт еще неделю назад.

Ну да, когда в прошлое воскресенье я толковала выложенный для супруги директора городской свалки треугольник из старших арканов, то заметила, что у некоторых карт начинают загибаться уголки. А это уже верный признак того, что карточную колоду пора менять. И, кстати, тогда же вышла и ошибка. Я предположила, что у моей гостьи есть соперница, чем вогнала ее в шоковое состояние.

Впрочем, на деле же оказалось, что это не соперница, а соперник. Король помойки без памяти влюбился в престарелого греческого коммерсанта, который прибыл в наш город

для организации совместного предприятия по переработке металлолома.

Кажется, они как-то между собой разобрались.

В том смысле, что жена мусорного короля соблазнила племянника греческого коммерсанта, и все четверо вошли в состав учредителей СП.

Плюс, разумеется, областная администрация.

Нет-нет, рекламации мне как частному детективу не последовало. Супругу директора интересовал лишь сам факт измены. А с кем именно – дело десятое.

Более того, гонорар мне был выплачен полностью.

Хотя дело, признаться, было плевое.

С первого взгляда стало ясно, что к чему. Только для верности я решила подтвердить свои ощущения с помощью колоды Таро.

Ну и еще, разумеется, подкрепить их кое-какой информацией из местной прессы и от знакомых журналистов.

Но я-то знала, что допустила ошибку. А для профессионала это – непростительно.

А второй вывод из этой ситуации будет сделан сейчас. Я подняла карту, перевернула ее лицом вверх и печально усмехнулась.

Так и есть. Пустая карта.

В просторечии обычно именуемая Le Fou – то есть попросту дурак.

Некто в шутовском колпаке, беспечно глаза по сторонам,

спешит к обрыву, на дне которого его поджидает крокодил.

Что бы это значило в моей ситуации? Истолковать эту случайность как предупреждение? Или...

Мои раздумья прервал звонок в дверь.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял приличного вида молодой человек лет двадцати.

– Вы – госпожа Иванова?

– Госпожа Иванова... – посмаковала я забавное сочетание слов. – В этом воплощении меня зовут именно так. Проходите.

Явно смущаясь, юноша проследовал в комнату. Он остановился в нерешительности посреди нее и оглянулся по сторонам.

Потом он с удивлением посмотрел на Р свои руки, как будто видел их первый раз в жизни. Скрестить их на груди? Засунуть в карманы?

Пока он размышлял о своих верхних о конечностях, я успела осмотреть визитера, и он в целом произвел на меня довольно приятное впечатление.

– Садитесь, садитесь, – подбодрила я его, плюхаясь на тахту.

Молодой человек осторожно присел на самый краешек стула, рискуя свалиться прямо к моим ногам. В ту самую лужицу с чаем.

– Ну-с, я вся – внимание. У вас какие-то проблемы? – я затянулась сигаретой.

– А вы действительно частный детектив? – осторожно поинтересовался визитер.

– Угу, – кивнула я. – А вы действительно клиент? Или репортер? Впрочем нет, на стандартного газетчика вы ничуть не похожи.

Юноша недоверчиво посмотрел на себя в зеркало:

– А как выглядят газетчики?

– Ну, у них обычно на лице написано крайнее дружелюбие и искренняя заинтересованность в вас, а на деле им на все глубоко начхать.

Действительно, сколько я ни общалась с «четвертой властью», ее представители излучали настолько мощное силовое поле эгоизма и презрения ко всем окружающим, что только абсолютно бесчувственный человек мог бы не уловить эти волны. А я, слава Богу, кое-что в этом понимаю.

– Вы, скорее, гуманитарий. И у вас явно какие-то проблемы личного характера, – сказала я наугад, подчиняясь собственной интуиции, которая обычно меня никогда не подводила.

– Нет, здесь нечто иное, – вежливо возразил визитер. – Мне... меня... у меня...

– Начните рассказывать по порядку, – посоветовала я. – И мы вместе подумаем, как вам помочь.

Андрей Белецкий – так звали молодого человека – оказался втянутым в довольно опасную историю.

– Неделию назад мой приятель, Олег Максаков, с которым

мы работаем в одном издательстве, попросил меня навестить его дальнюю родственницу, проживающую в Москве, – начал Андрей.

– В каком, простите, издательстве?

– «Учебная литература», – пояснил Андрей. – Ага, – удовлетворенно кивнула я, – продолжайте, пожалуйста.

«Учебная литература» на самом деле издавала фантастику и детективы, изредка оправдывая свое строгое название выпуском школьных тетрадок и сборников, имеющих некоторое отношение к психологии. Дальнейший рассказ прояснил следующее.

Троюродную сестру коллеги Андрея звали Магда Ларионова. Некоторое время назад она была довольно известным в Москве, да и в России финансистом. Ее дела шли в гору, хотя аналитики и отмечали некоторый авантюризм в ее финансовых операциях.

Но затем построенная ее инвестиционным фондом пирамида с грохотом рухнула.

Как это обычно и случается со всеми финансовыми пирамидами.

Магда Ларионова оказалась у разбитого корыта. Дачи, особняки и автомобильный парк были конфискованы в счет уплаты долгов, и теперь она жила в обычной хрущобе на краю Москвы.

Но, как выяснилось, Магда не собиралась сдаваться.

Выслушав привет от своего троюродного брата, Магда по-

интересовалась, где он работает. Когда Андрей рассказал ей об издательстве, Магда, угостив гостя чаем, вышла его проводить.

Пока они прогуливались по тропинкам Лосиноостровского парка, Ларионова предложила Андрею немного подзаработать. Речь шла о литературном редактировании воспоминаний ее покойного друга.

Текст воспоминаний был надиктован на десяти магнитofонных кассетах, и Андрею предстояло перевести его на компьютер и придать изложению божеский вид. По словам Магды, ее приятель был несколько косноязычен.

Сумма гонорара ошеломила Андрея.

Магда Ларионова, не моргнув глазом, предложила Белецкому пять тысяч долларов аванса и столько же по окончании работы. По ее прикидкам, Андрей мог бы управиться за месяц-другой.

Андрей быстро согласился.

А когда толстая аппетитная пачка пятидесятидолларовых банкнот с портретом бородатого Гранта переключевала в карман пальто Белецкого, Магда дала Андрею несколько указаний.

Дело в том, говорила она, что мой приятель был особенным человеком. Может быть, вы слышали фамилию Кавтрадзе? Так вот, речь идет именно о нем.

Нет-нет, бандитом он не был. Просто деловой человек... Со связями... В разных кругах.

Да-да, вы не ошибаетесь, его убили. В прошлом году. Он был отравлен во время ужина в ресторане «Пекин». Об этом писали в газетах.

Эти кассеты он надиктовал в очень, сложный период своей жизни. У любого бизнесмена, как правило, бывают враги.

И чем выше человек по рангу, тем крупнее его недоброжелатели.

Как-то раз Георгия Арчиловича Кавтарадзе едва не пустили по миру. И он на всякий случай решил оставить потомству рассказ о своей жизни.

Не упустив при этом ряд весьма пикантных подробностей о своих встречах и деловых контактах в высших эшелонах власти.

Впрочем, его положение вскоре выправилось, но кассеты уже лежали в надежном месте. И сейчас, после смерти Кавтарадзе, они оказались у Магды.

Нет-нет, по словам Ларионовой, никакой опасности эта работа для Белецкого не представляет. Если он, конечно, будет держать язык за зубами.

Хотя узнай кто-нибудь из упомянутых в воспоминаниях людей о том, что эти кассеты вообще существуют, вся Россия будет перепахана вдоль и поперек ради того, чтобы получить эти пленки.

Для чего? Для того, чтобы уничтожить их или, наоборот, чтобы предать гласности, – возможности их владельца поистине безграничны, хотя риск в этом случае весьма велик.

А в случае с Белецким все вроде бы спокойно. Город, в котором он проживает, довольно далеко от Москвы. Андрей никому не говорит об этих кассетах и спокойно расшифровывает текст с пленок. После этого снова встречается с Мэгдой и возвращает ей пленки и готовый текст.

Тем более что вообще никто не знает о существовании этих кассет.

— И вы согласились на эту работу, — мрачно констатировала я.

Пока он, запинаясь, излагал мне суть дела, я постаралась поближе познакомиться с его аурой и вычислила, что Андрей почти не лжет.

Мой визитер, казалось, был вполне искренним. Я внимательно смотрела на своего собеседника, и ни разу в его рассказе не прозвучала та особая, почти неуловимая интонация, которая мгновенно сигнализирует, что человек, сидящий перед тобой, лжет.

Впрочем, подчас люди склонны к самообману, и отличить ложь сознательную от бессознательной бывает крайне затруднительно.

Вот только почему мой симпатичный собеседник скрывает, что его визит ко мне действительно вызван причинами личного характера?

Несмотря на вроде бы связный рассказ, исключаящий интимные детали, я была в этом абсолютно уверена.

Я же совершенно отчетливо вижу эти слабо светящиеся

линии в области его груди, когда он поворачивается ко мне в профиль...

Может быть, у него роман с Магдой?

– Согласился, – кивнул Андрей, – и теперь очень об этом жалею.

– Да? И почему же?

– Потому что кто-то об этом пронюхал, – дрожащим голосом поведал мне Белецкий.

– Кто-то забрался в ваш компьютер и выкрал оттуда расшифрованный текст?

– У меня дома нет компьютера.

– Ага. Тогда что же с вами произошло? Почему вы думаете, что кому-то стало известно о вашей работе? К вам кто-то обращался? Вам угрожали?

– Нет, но... С тех пор, как я вернулся домой, со мной начали твориться какие-то странные вещи. Знаете, вдруг звонит телефон и на том конце трубки – молчание. Или приходит незнакомый человек по объявлению, которого я не давал. А он называет мой адрес, хотя в какой газете было это объявление – не говорит. И еще... – тут Андрей запнулся. – По-моему, за мною следят.

– Вы уверены?

– Поймите, я вовсе не подвержен мании преследования, – Андрей взволнованно прижал руки к груди. – Я совершенно нормальный человек. Но иногда я просто чувствую затылком...

– Такое легкое покалывание, – помогла я ему. – Как будто вам прямо в мозжечок вонзаются сотни тоненьких иголочек.

– Вот-вот. И я... решил обратиться к вам.

– Что ж, это разумно. Вы, я полагаю, понимаете, что я работаю не бесплатно.

– Да-да, – закивал Андрей. – Мой приятель, которому вы в свое время помогли, – помните историю с похищением нумизматической коллекции? – очень хорошо отзывался о вас.

– Помню, помню. Тогда мне пришлось изрядно попотеть. До сих пор меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю об этой беготне по канализациям... Ну, а что касается моего гонорара, то с вас я возьму ровно десять процентов от вашего.

– То есть тысячу долларов, – уточнил Андрей. – Угу. Причем после завершения моей работы.

– Но... у меня нет никаких доказательств, что за мной следят. Только смутные ощущения, – Белецкий развел, руками.

– Доказательства не так уж трудно найти, – усмехнулась я. – Ведь если за вами следят, то наверняка им стало известно, что вы сейчас у меня. Не правда ли?

Глава вторая

ШЕРЛОК ХОЛМС В ТУПИКЕ

Я медленно шла по улице, изредка останавливаясь перед витринами.

Впереди маячил сосредоточенный Андрей.

Мой клиент двигался по довольно сложной траектории. Я считаю, что данный способ выявить слежку является наиболее результативным. Меня он, во всяком случае, еще ни разу не подводил. Метод заключался в следующем. Предполагаемый объект слежки двигается, как слон в шахматах – буквой «Г». То есть чередуя повороты направо и налево. Дойдя до перекрестка, он переходит улицу и, свернув направо, проходит квартал по перпендикуляру к предыдущему отрезку пути. На следующем перекрестке он сворачивает налево. Потом снова направо. И так далее. Вопрос в том, сколько времени он будет двигаться и куда упрется в конце пути. Смысл всей этой фигуры движения заключается в том, что нормальные люди так не ходят. И если кто-то идет за вами следом, то рано или поздно вы его увидите.

Этот способ, помимо всего прочего, является, так сказать, светским, примитивным отражением одной сакральной траектории, но сейчас не время и не место вдаваться в подробности.

Тем более что уже на третьем перекрестке я вычислила «хвост».

Белецкий двигался равномерно и неуклонно, нигде не останавливаясь, не замедляя и не ускоряя шаг. А я в это время просеивала взглядом уличную толпу.

И, как выяснилось, не напрасно.

Приземистый человек лет пятидесяти в поношенном пиджаке явно следил за Андреем.

Он изо всех сил старался не упустить Андрея из виду. Семеня ногами, он изредка останавливался, дабы перевести дух, и хватался за сердце, глотая воздух, как рыба, бьющаяся на песке. Подождав немного, он собирался с силами и снова пускался в погоню.

«Н-да, забавные у меня конкуренты, – думала я, следя за поношенным серым пиджачком через зеркальную витрину магазина детских игрушек. – Судя по всему – дилетант. Интересно, есть ли у него лицензия? Или это просто наемная лошадка? Тогда любопытно выяснить, кто нанял этого несчастного».

А это наверняка были люди весьма опасные.

То, что рассказал мне Андрей, давало значительный повод для беспокойства.

Как и следовало ожидать, мемуары оказались потоком самого грязного компромата на весьма и весьма высокие фигуры в Кремле и около него.

Правда, насколько из слов Ларионовой смог заключить

Андрей, данный опус не предполагался для печати. Скорее всего, Магда собиралась использовать эти материалы для вульгарного шантажа, с тем чтобы поправить в деловых кругах свое пошатнувшееся реноме.

Впрочем, открытым оставался весьма существенный вопрос: откуда злонамеренным лицам стало известно, что эти пленки находятся у Андрея?

По словам моего клиента, никто посторонний не присутствовал во время их с Магдой уединенной прогулки по безлюдному Лосиноостровскому парку. А информировать кого бы то ни было об их сделке было явно не в интересах госпожи Ларионовой.

Подслушивающая аппаратура? Маловероятно.

Тем более по словам Ларионовой выходило, что о местонахождении этих пленок никому не известно. И вручила она их ему лично, вместе с деньгами. Кассеты лежали в фирменной коробке из-под блока «Золотой коллекции» Аллы Пугачевой.

Так или иначе, любой человек, прикоснувшийся к этим злосчастным пленкам, имел шансы остаться в живых не больше, чем сидящий в ароматной ванночке годовалый младенец, который решил сунуть парочку длинных гвоздиков в розетку.

Ах, Андрей, Андрей! И черт тебя дернул принять это предложение! Твоя молодая жизнь стоит гораздо больше, чем пять тысяч баксов.

И теперь мне предстояло доказать эту неоспоримую истину своему клиенту.

Андрей между тем медленно, но верно удалялся из центра города и двигался в сторону новостроек.

Да-да-да! Именно сюда-то нам и надо.

Как раз позавчера я беседовала со здешним прорабом, который вышел на меня через свою сестру, чья кухня прислала ко мне тетку своего шурина, озабоченную пропажей инкрустированного, портсигара, принадлежащего деду жены дяди его матери. Эта семейная реликвия к вящей радости всех многочисленных заинтересованных лиц обнаружилась очень быстро.

Самое предварительное расследование показало, что малолетний племянник деверя третьей жены второго мужа этой самой кухни променял блестящий портсигар соседскому мальчику на не менее блестящую инерционную китайскую машинку.

В качестве гонорара мне был предложен унитаз цвета морской волны, который и доставил со стройки обрадованный прораб.

Выбирая сантехнику, я машинально окинула взором стройплощадку и отметила про себя, что лучшую площадку для съемок боевика трудно придумать.

Особенно мне понравилась двухэтажная будка наподобие сторожевой башни – недостроенное «архитектурное излишество», призванное украшать ворота перед фасадом зда-

ния. В ней как раз складировали сантехнику, и я имела возможность оценить стратегические преимущества этого объекта. Именно к этой во всех отношениях замечательной постройке и устремился Андрей.

Мы высчитали вместе с ним этот маршрут по подробной карте города.

И именно эта будка должна была служить местом нашей встречи.

Мгновение поколебавшись, я оставила «хвост» на произвол судьбы, рассчитывая, что он не бросит Андрея, и быстрым шагом устремилась в обход.

Завидев спину Андрея, исчезающую в дверях постройки, я резво впрыгнула за ним и, приложив палец к губам, увлекла его к окну.

Только бы лестница была на месте!

Ура! Фортуна ко мне сегодня явно благоволила.

Я быстро выскочила в окно вслед за Андреем, спустилась по лестнице и отшвырнула ее прочь.

Затем обежала будку кругом и закрыла вход на засов.

Все. Филер замурован заживо.

– Значит, так, Андрей, – отдала я распоряжение. – Сейчас вы возвращаетесь к себе и ждете моего звонка. Как только я разберусь с этой ситуацией, то дам вам знать. Постарайтесь не волноваться. Думаю, что второго «хвоста» за вами не будет. Но на всякий случай попробуйте незаметно бросить взгляд на то, что творится у вас за спиной, когда будете по-

ворачивать за угол. Это старый проверенный способ обнаружения слежки.

Белецкий сосредоточенно кивнул и, взглянув на будку, покачал головой.

– И охота же людям... – начал он, но в сердцах махнул рукой и отправился восвояси.

Не забывая оглядываться на поворотах.

Теперь остается ждать, пока плод созреет и сам упадет в мои руки.

Что ж, можно и отдохнуть. Я достала из кармана пиджака пачку «Кэмел» и зажигалку.

Пока я разминала сигарету, мой неудачливый конкурент успел оценить ситуацию.

Из блока раздались глухие удары. Сначала неуверенные, потом все более настойчивые.

– Эй, что это за шутки! – закричал поношенный пиджак, пытаясь освободиться из заключения.

– Какие уж тут шутки! Серьезней некуда, – саркастически усмехнулась я, усаживаясь на приступочку и закуривая сигарету.

– Немедленно выпустите меня отсюда! Немедленно! – бушевал мой затворник.

Я спокойно курила, греясь в последних лучах осеннего солнышка. Скоро снова снега, снова стужа. Придется носить шубу, а у меня начинают болеть плечи и шейные позвонки. Остеохондроз? Вот не было печали. А тут еще этот в пиджа-

ке никак не уймется...

– Это преступление против личности! Вы за это ответите! – продолжал он сыпать риторическими угрозами.

Я поднялась и отряхнула юбку:

– Знаете что, мне пора. Вы тут посидите немного, подумайте. О себе, о мире... Иногда несколько дней уединения – это очень полезно. Сразу все начинаешь понимать...

– Несколько дней! – раздался яростный крик. – Да как вы смеете! Я вас за решетку упрячу!

– Пока что я вас упрятала. В надежде, что хоть это сможет вас остановить.

– Что вы имеете в виду? Объясните-ка, – настороженно спросил мой узник.

– Вы следили за моим знакомым. А ему это не понравилось. Вот, собственно, и все.

– Но частный сыск не запрещен законом! – взвыл поношенный пиджак.

– Совершенно верно, – подтвердила я. – Но это не значит, что граждане обязаны лояльно относиться к назойливым Ц посягательствам на собственную частную жизнь.

Из будки раздалось громкое сопение. Очевидно, мой узник старался обмозговать этот парадокс. Мне даже показалось, что я слышу, как у него скрипят мозги.

– Тем паче если это вторжение в частную жизнь граждан исполнено на таком низком профессиональном уровне, – добавила я.

И прислушалась.

Из будки доносились всхлипывания и шмыгание носом.

Узник явно был расстроен:

– Я так старался... Вроде, все шло хорошо... И теперь...

И теперь...

– Чуть погромче, пожалуйста, – попросила я.

– Вы еще здесь? – грустно удивился мужчина.

– Здесь, здесь. Как вас, кстати, зовут?

– Эрлих. Семен Эрлих. Вообще-то по профессии я экономист. Но у нас в институте уже третий год не платят зарплату. Жена пилит. Вот я и решил немного подработать.

– И что, вы сразу ринулись в частный сыск? – ужаснулась я.

– Нет, что вы, – смущенно ответил мой узник. – Сначала я решил податься на эстраду. Но там уже все давным-давно схвачено. Не взяли.

– Вы что, поете? – недоуменно спросила я.

– Да, – гордо ответил Эрлих. – Хотите, я исполню песнь варяжского гостя?

– Нет, – честно ответила я.

– Понятно, – сокрушенно отозвался Семен. – Вот и в Театре эстрады мне так же сказали.

– Сигарету хотите? – сжалилась я.

– Хочу, – грустно отозвался узник. – Вообще-то я бросаю курить. Из экономии. Но пока как-то не выходит.

– Ничего, – подбодрила я его, – рано или поздно обяза-

тельно бросите.

Из дверной щели рванулась серая струйка дыма.

– Ну что ж, – раздавила я каблуком свой окурок, – мне пора. До понедельника вас никто не побеспокоит. Честно говоря, я вам даже слегка завидую. Целый день в одиночестве. Каким роскошным медитациям вы сможете предаваться...

Мой узник даже закашлялся.

– Пойдите! Куда же вы! – раздался его взволнованный голос. – Давайте попробуем договориться!

– Ну давайте, – нехотя согласилась я и снова присела, опираясь затылком о кирпичную кладку.

Разговор, судя по всему, обещал быть долгим.

– Для начала – вы меня выпускаете. Хорошо?

Молчание.

– Со своей стороны я обещаю больше никогда не надоедать вашему знакомому, – уже не столь уверенно продолжал торговаться Семен Эрлих.

– А вы и так не сможете ему надоедать по крайней мере полтора дня, – резонно заметила я.

Эрлих яростно курил, с шумом выпуская из легких клубы дыма.

Со стороны можно было подумать, что персонажи сказки поменялись местами и в будке заперт некий огнедышащий дракон, которого сторожит принцесса.

– Что вы хотите от меня? – наконец задал первый разумный вопрос Шерлок Холмс-неудачник.

– Я хочу знать, на кого вы работаете. Пауза и пыхтение.

– Дайте мне еще одну сигаретку.

Я проинспектировала пачку «Кэмел». В ней сиротливо болталась одна единственная сигарета. Как раз мне на обратную дорогу.

– Не дам, – ответила я. – Тем более что вам предоставляется прекрасная возможность осуществить свою мечту – бросить курить.

– Но дело в том, что я не знаю, на кого я работаю! – раздался пронзительный голос.

Я встала и для пущей солидности топнула ногой:

– С вами только время терять. У вас его – вагон, а у меня – с полмизинчика. Прощайте.

– Я общался с клиентом только по почте! Я даже не знаю его имени! – кричал Эрлих.

– А деньги? Вы что, работали из любви к искусству?

– Деньги были перечислены мне на счет, честное слово! Почему вы не верите?!

Похоже, что Эрлих не врал.

– Вы давно работаете в сыске?

– Месяц! Ровно месяц назад я дал объявление в газету! И клиент, который поручил мне слежку за вашим знакомым, был первым!

Н-да! Вот что бывает, когда дилетанты решают заняться выгодным, с их точки зрения, бизнесом.

Нечто подобное имело место в эпоху перестройки. То-

гда сельские девочки, насмотревшись телепередач и начитавшись газет, решили, что им на роду написано быть валютными проститутками. Толпами они выходили по вечерам к «Метрополю», внося сумятицу и переполох в четко организованный бизнес.

– Значит, так, – подытожила я, – мне сейчас все быстренько выкладываете, и я вас отпускаю. Более того, я помогу вам выкарабкаться из запутанной и рискованной ситуации, в которой вы оказались, взвалив на себя явно не свойственные вам функции. Идет?

– Идет, – сокрушенно согласился Эрлих.

Он был полным лохом. Без малейшего понятия о сложностях и тонкостях нашей работы. Не говоря уже об интуиции, чье наличие, на мой взгляд, для сыщика обязательно.

Частный детектив, лишенный неких сверхъестественных способностей, – это все равно что охотничья собака без нюха. И вдобавок еще слепая.

Мне удалось выяснить, что три дня назад Эрлих получил по почте предварительно оплаченный заказ.

Новоиспеченному Шерлоку Холмсу поручалось следить за гражданином по имени Андрей Белецкий. Была приложена фотография и сообщен его адрес. Эрлих был обязан еженедельно представлять отчет о проделанной работе. Вот, собственно, и все.

– А вы не поинтересовались в бухгалтерии банка, от кого поступили деньги? – У меня нет личного счета, – смущенно

признался Эрлих. – Деньги были высланы почтовым переводом, а в графе «отправитель» стоял неопределенный ро-счерк.

– Так-так. И что же вы выяснили за эти три дня слежки?

– Да ничего особенного. Ходит человек на службу, потом идет на работу к своей девушке. Потом они вместе идут до-мой. Единственный, выходящий за будничные рамки визит он нанес, как я понимаю, вам...

– А как вы намеревались отчитываться перед своим заказ-чиком?

– Он обещал позвонить мне через неделю.

– Черт возьми! – начала я терять терпение. – Каким же образом вы узнаете, что звонит именно тот человек?

– Пароль, – отозвался Эрлих, – в письме мне был сообщен пароль, который должен будет назвать мой первый клиент. «Черный агат».

Глава третья

СМЕРТЬ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Эрлих понуро брел рядом со мной по улице. Я оставила ему бычок сигареты, и он слегка повеселел.

– Не расстраивайтесь, Семен, – тихо говорила я, глядя себе под ноги. – Лучше сразу понять, что сыск – это не для вас. Что ни говори, а для этой работы требуются особые данные. И с чего вы взяли, что сможете успешно работать в этой области?

– Я читал... Много читал... Стаута, Чандлера... – грустно ответил Эрлих.

– Чандлера, – передразнила я его. – Да Чандлеру и не снилось работать в таких условиях, как здесь.

Я обвела рукой привокзальную площадь, к которой мы приближались:

– Представьте себе на минуту, господин Эрлих, что вы превратились в чандлеровского героя. Но с одной маленькой поправкой на местный колорит. Скажем, вам приходится то и дело колесить по области. Помните, Лу Арчер постоянно мечется между, скажем, Пасаденой и Санта-Барбарой. Нанося судьбоносные визиты магнатам на покое и кинозвездам. Что вам светит в этом случае? Беседа с председателем совхоза или смертельная схватка с дояркой. Увлекательно,

не правда ли? Особенно последнее... Нет уж, мистер Шерлок Холмс, вам лучше заняться чем-нибудь более изящным и безопасным. Например, писать в газеты. Или поиграть. На бирже. Знаете, где у нас биржа? Эрлих отрицательно помотал головой.

– Не печальтесь, коллега. Вернетесь домой – почитайте Карнеги и что-нибудь душещипательное. А я обещаю вам некую материальную и духовную поддержку на первых порах. Кстати, вот вам мой телефон. Я жду вас у себя завтра утром. Захватите с собой письмо клиентов и корешок почтового перевода. Договорились?

– Договорились, – печально пробормотал Эрлих. – А на счет репортерства – это хорошая мысль. Я как раз собирался...

– Вы как раз собирались на эту электричку, – кивнула я головой в сторону раздавшегося гудка. – Итак, расстаемся друзьями. До завтра?

– До завтра, – облегченно вздохнул Эрлих. – И... спасибо вам...

Ссутулившись, он поспешил на перрон.

И тут случилось то, чего я никак не могла предусмотреть. Произошло самое страшное.

Бегущий к голове тормозящего поезда Семен Эрлих на мгновение оказался скрыт от меня спинами суетящихся пассажиров. Жуткий скрип колес, раздавшийся в ту же секунду, и женский визг: «Убили! Среди бела дня!» – заставили меня

со всех ног броситься на перрон первого пути.

Выскочивший из кабины локомотива бледный как полотно машинист, в ужасе глядевший под колеса сразу ставшего зловещим состава, мельтешенье милицейских мундиров и оцепеневшие пассажиры – такая картина предстала моим глазам.

– Парень! В кепке! – надрывалась толстая женщина, прижимая к груди гроздь перезревших бананов. – Чуть плечиком повел, и дядечку как волной под колеса смело! А сам – давай деру, прям под носом у тепловоза прошмыгнул. Ищи теперь свищи! Вот оно ка-ак! При Сталине-то такого небось не было!

Далее тетка стала развивать свои взгляды на внешнюю политику России и резко высказываться против расширения НАТО на Восток.

...В мрачном настроении я возвращалась домой.

Как пить дать, спишут на несчастный случай. У нашей обожаемой милиции и так выше крыши нераскрытых дел. Добавлять к ним еще одно – слишком большая роскошь. Так и оказалось.

В утренних газетах, в сводке происшествий за день, в двух строках было упомянуто о трагедии на перроне пригородных поездов. Оступившись, гражданин Э. свалился под колеса поезда. Заботливые журналисты еще раз предупреждали читателей о том, что, выиграв секунду, можно потерять жизнь. И напоминали, что не следует заходить за белую огра-

ничительную черту.

А Семен Эрлих зашел. И этой чертой для него оказалась слежка за моим клиентом.

Если, конечно, он не лгал мне насчет того, что заказ, поступивший к самоуверенному частному детективу в письменном виде, был в его практике единственным.

– Можете спать спокойно, Андрей, – грустно поведала я Белецкому, когда он позвонил мне около десяти вечера. – Этот человек больше никогда не будет ходить за вами по пятам.

– Правда? – обрадованно переспросил Андрей. – Здорово! Вот это класс. Я ваш должник.

– Разумеется, – подтвердила я, не разделяя восторгов своего клиента. – Но у меня есть веские основания считать, что ваше дело только начинается...

Уж не знаю, спал ли спокойно в эту ночь Андрей Белецкий, но я раз десять просыпалась от визга тормозов и скрежета железа.

У меня был всего один шанс хоть как-то приоткрыть завесу тайны над этой историей. И я не преминула им воспользоваться.

Похороны моего бывшего коллеги и неудачливого конкурента были назначены на третий день после трагического происшествия.

Информацию об этом мне удалось получить от моих знакомых, работавших в похоронном бюро.

К двум часам дня я уже была возле дома покойного. Оказалось, что мы с Эрлихом жили в одном районе. Его дом был всего в десяти минутах ходьбы.

Я успела как раз к выносу тела.

За гробом шло от силы человек десять, большей частью соседи. В маленьком автобусе, кроме меня, было всего четверо: пожилая женщина с тихой любопытной девочкой: – как впоследствии выяснилось, дальняя родственница покойного, говорливый старичок – сосед Эрлиха по лестничной клетке, и та дама, которая интересовала меня больше всего.

Вдова Семена Эрлиха.

Пышущая здоровьем женщина лет шестидесяти по имени Вера, полная и розовощекая, она гораздо больше внимания уделяла разнообразным хлопотам во время похорон, нежели столь естественной, казалось бы, для нее скорби по погибшему мужу.

Выразив Вере свои соболезнования, я представилась работницей Театра эстрады, памятуя о неудачной попытке покойного стать рок-звездой, и предложила свою помощь, которая была с благодарностью принята.

И началась беготня.

Я названивала в похоронное бюро, узнавая, не задержится ли катафалк.

На кладбище мне было также поручено оделить скромным подаянием нищенку, сидевшую при входе.

Я опустила в ее ладонь тысячную бумажку, и худенькая

старушка, закутанная по уши в черный платок, отстраненно кивнула мне головой. Я с удивлением заметила на ее указательном пальце с ногтем лопатообразной формы тонюсенькую красную полосочку – след от лака для ногтей, снятого заблаговременно, но мне уже было не до размышлений.

Я взяла на себя руководство могильщиками и даже сбегала куда-то за лопатами.

Мне также было поручено расплачиваться водочкой с работягами, что я и проделала, проникнувшись всей серьезностью возложенной на меня миссии.

И на поминках, которые были устроены в квартире Эрлихов, я, само собой, оказалась рядом с вдовой.

После нескольких скорбных минут обстановка разрядилась. Уже подвыпившие соседи пытались вразнобой петь про то, как по танку вдарила болванка, и про золотые горы. Впрочем, реки, полные вина, наверняка затрагивали их куда больше.

– Ах, Танечка, – склонилась ко мне Вера Эрлих, – Сема был такой... Такой неприспособленный...

– Мужчины вообще хрупкий народец, – поддакнула я, подозрительно принюхиваясь к рюмке с водкой.

Мои чуткие ноздри мгновенно произвели анализ содержимого и сигнализировали, что напиток разбавлен, но для жизни опасности не представляет.

– Он и на работе всегда был на вторых ролях, и эти его бредовые идеи насчет сцены. А уж его последнее увлечение

– это совсем из ряда вон.

– Да? Какое увлечение? Неужели у него появилась любовница?

Вера расхохоталась, едва не расплескав водку:

– Ох, рассмешили! У Семы – и любовница! Да я бы его сама... Вот этими руками!

И Вера продемонстрировала мне пухлые розовые ладошки, которыми она намеревалась расправиться со своим покойным мужем в том случае, если бы он решился на супружескую измену. И был бы при этом жив, разумеется.

– Нет, речь о другом. Он решил заработать на чужих проблемах. Стать чем-то вроде сыщика. Начитался, понимаете ли, всякой белиберды...

Вера ткнула пальцем в сторону книжных полок, ломившихся от томиков в ярких глянцевых обложках. Присмотревшись, я разглядела изрядно потрепанные собрания сочинений Чейза, Стаута, Чандлера и тетушки Агаты.

– Дал в газету объявление. И что же вы думаете? Буквально на другой день пришло письмо и почтовый перевод. Я как раз на эти деньги справила себе блузочку.

– А можно взглянуть? – попросила я.

– Да она ж на мне, – погладила себя по груди Вера Эрлих. – Очень миленькая, правда?

– У вас замечательный вкус, – похвалила я блузку. – Но я о письме...

– Ах, это! – отозвалась Вера. – А зачем вам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.